

УДК 002.2:355.48

<https://doi.org/10.20913/2618-7515-2020-3-41-48>

ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ И ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОБОРОННОГО СОЗНАНИЯ СРЕДСТВАМИ КНИЖНОГО ДЕЛА

MEMORIES OF WAR AND PROBLEMS OF FORMING DEFENCE CONSCIOUSNESS BY MEANS OF BOOK BUSINESS

© **Лютков Сергей Николаевич**

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории книговедения, Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук (ГПНТБ СО РАН), Новосибирск, Россия, ser.lutov@gmail.com

Lyutov Sergey Nikolaevich

Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher of the Laboratory of Book Study, State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (SPSTL SB RAS), Novosibirsk, Russia, ser.lutov@gmail.com

Актуальность и значимость проблем формирования общественного сознания с присутствием в нем необходимой оборонной составляющей, базирующейся на памяти о прошлых войнах и готовности к отражению вероятной агрессии, обусловлены неослабевающей напряженностью межгосударственных отношений, переходящих в военную конфронтацию разной степени. Опыт всех войн свидетельствует о том, что победы в противоборстве достигаются не только соперничеством военных потенциалов и мастерством полководцев, но и прочностью духовных основ и моральными силами народа. Военная история многократно подтверждала, что патриотический настрой и единение общества в противостоянии вражеской агрессии были важными факторами, влиявшими на ход и исход войн. С момента изобретения письменности устные предания стали дополняться документальными свидетельствами военной истории, а изобретение книгопечатания не только расширило возможности тиражирования сведений о памятных исторических событиях, но и превратило печатное слово в действенное средство информационного противоборства воюющих сторон. Целью статьи является актуализация проблем, связанных с трансформациями памяти о войне и использованием книги в интересах сохранения этой памяти и формирования оборонной составляющей общественного сознания. Историко-книговедческий анализ военно-издательской практики XVIII–XX вв. подтверждает устойчивую традицию описания истории войн не только для изучения боевого опыта военными специалистами, но и для закрепления в общественном сознании трагедии и уроков войны. Память о войне не бывает одинаковой у победителей и побежденных, что порождает различные оценки событий войны и соответствующее отражение на книжных страницах фундаментальных военно-исторических трудов и авторских мемуаров.

Actuality and significance of problems of forming social consciousness with its necessary defence component are conditioned by unremitting tension of inter-state relations, transiting into a certain degree of war confrontation. Experience of all wars testifies to the fact that all victories in war hostility are achieved not only by rivalry of military potentials and generals' skills but also by firmness of spiritual bases and people moral strengths. War history many times has proved patriotic incite and the society unity to be important factors influencing the course and the result of wars.

Since the moment of writing invention, oral traditions began to be supplemented by document evidences of war history and invention of book printing not only has widened possibilities of memorable history events' data circulation but also has transformed the printed word into effective means of information hostility of struggling sides.

This article aim is to actualize problems, connected with transformations of war memories, and using book for to preserve it and form a defence component of public consciousness. Historical and book-study analysis of military publishing practice of the XVII–XX centuries proves the tradition of describing war history not only for to study battle experience by military specialists but also for to consolidate the tragedy and lessons of war in public consciousness. Memories of war cannot be similar for winners and losers, and that produces different evaluations of war events and their relevant reflection on pages of fundamental military-historical works and memoirs. Comparison of different memorialists' viewpoints confirms memory variability, but permits the researchers to approach evaluations that are more objective. To observe the 75-th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War of 1941–1945 by carrying out the Year of memory and glory in Russia has become a new impulse for turning

Сопоставление разных точек зрения мемуаристов подтверждает вариативность памяти, но позволяет исследователям сформировать более объективный взгляд на события прошедших войн и приблизиться к их более объективным оценкам.

Проведение в России Года памяти и славы в ознаменование 75-летия Победы в Великой Отечественной войне стало новым импульсом обращения к исторической памяти и исследованию малоизученных проблем военной истории. Опыт этой войны содержит актуальные уроки использования книги как важного средства формирования оборонного сознания в предвоенное десятилетие и его перестройки в годы войны.

Ключевые слова: война, книга, военная история, книжное дело, общественное сознание, историческая память, оборонная литература, военное книгоиздание

to historical memory and research of poorly studied problems. This war experience contains actual lessons of book usage as an important means of forming defence consciousness in the pre-war period and its reconstruction in the years of war.

Keywords: war, book, history of war, book business, social consciousness, historical memories, defence literature, military book publishing

Введение

Комплекс проблем, связанных с формированием исторической памяти, давно обсуждается в научном сообществе, последовательно пополняясь интересными работами о разновидностях и свойствах памяти, способах ее сохранения и социальных механизмах передачи, а также о современных угрозах ее искажения. В прирастающей совокупности научных знаний о формировании и сохранении памяти феномен «книга» незримо присутствует в большинстве публикаций (рукопись, текст, документ, литературное произведение и т. п.), но в прямой постановке вопрос о роли книги в сохранении исторической памяти не изучался [1]. К сожалению, и в современных документах, декларирующих формирование новых подходов и новых приоритетов в сохранении историко-культурного наследия, книга, давно снискавшая признание как памятник материальной и духовной культуры, и библиотека как институт сохранения памяти присутствуют все так же незримо, без учета возможностей их влияния на формирование общественного сознания и коллективной памяти [2].

Вместе с тем обобщение идей о механизмах и способах формирования и передачи памяти, с одной стороны, и представлений о сущностном предназначении книги в обществе, с другой, позволяет утверждать, что книга является важным инструментом формирования памяти. В книговедении закрепилось утверждение А. А. Беловицкой о том, что книга, реализующая в обществе свои идеологические, политические, познавательные, воспитательные, эстетические функции, «всегда была, есть и будет способом отражения и средством формирования общественного сознания» [3, с. 156]. Условия и последствия войны

накладывают свой отпечаток на эти процессы, обостряя проблемы трансформации общественного сознания в экстремальных условиях, как на фронте, так и в тылу.

Книга как средство сохранения памяти о войне

«Помни войну!» – эти слова, высеченные на постаменте памятника адмиралу С. О. Макарову, остаются в памяти у тех, кто посещал главную площадь Кронштадта. Но мало кто знает, что они были эпиграфом к его фундаментальному труду «Рассуждения по вопросам морской тактики», опубликованному в 1904 г. Во введении к книге адмирал раскрывает смысл этих слов: «Только войны в состоянии открывать глаза для того, чтобы видеть недостатки. Но войны теперь бывают редко и продолжаются недолго, между тем как мир преобладает, и его условия отодвигают войну на второй план. Поэтому каждый военный или причастный к военному делу человек, чтобы не забывать, для чего он существует, поступил бы правильно, если бы держал на видном месте надпись “Помни войну”, принятую нами в девиз настоящего труда» [4, с. VI]. Этим эпиграфом С. О. Макаров образно связал память о войне и книгу. Такая связь формировалась вековыми традициями русской книжности, начиная с воинских повестей эпохи средневековья. Изучая книжные памятники периода феодальной раздробленности и монголо-татарского ига, Д. С. Лихачев отмечал особое значение таких факторов, как память о былом могуществе Руси, общность традиций и общность литературы. По его утверждению, «военная тема в русской литературе воспитывала патриотизм, веру в грядущее освобождение от иноземного ига» [5, с. 9].

Устойчивое проявление этих традиций наблюдается на всех последующих этапах отечественной военной истории и истории военного книгоиздания. Обратим внимание на сочинение П. Шафирова о войне со шведами, написанное им в 1716 г. Полное название книги указывает на то, какую память о причинах и характере войны предполагали оставить потомкам и автор, и Петр I, с чьего высочайшего соизволения издавалась книга. Приведем это название: «Разсуждение какие законные причины его царское величество Петр Первый царь и повелитель всероссийский... к начатию войны против Короля Карола 12, Шведского 1700 году имел, и кто из сих обоих потентантов во время сей пребывающей войны более умеренности и склонности к примирению показывал, и кто в продолжении оной, с толь великим разлитием крови христианской, разорением многих земель виновен; и с которой воюющей страны та война по правилам христианских и политических народов более ведена» (СПб., 1717) [6]. Эта книга издавалась трижды в 1717, 1719 и 1722 гг. с приращением объема от 128 до 360 и 449 страниц. Третье издание вышло очень большим для того времени тиражом в 20 тыс. экземпляров. По сути, это сочинение можно считать одним из первых в российской истории примером издания книги с описанием прошедшей войны, для составления которого, как отмечает автор, «без пристрастия» использовались древние и новые трактаты, а также записки о воинских операциях.

С каждой последующей войной прирастало количество официальных изданий и авторских сочинений, отражавших историю и опыт завершившихся батальи и последовательно закладывавших в общественное сознание понимание того, что Россия, по причине своего исторически сложившегося географического положения и роли в мировой политике, постоянно является объектом захватнических замыслов агрессивных правителей соседних государств, противостояние которым требует постоянного наращивания военной мощи и готовности к отражению вражеских нашествий. По мере увеличения числа публикаций военно-исторические сочинения становились все более значимым источником знаний о военном прошлом и важным средством сохранения исторической памяти.

Во второй половине XIX в., когда военная история в России переживала период научного становления и активного развития, в одной из статей «Военного сборника» за 1875 г. отмечалось, что под основными историческими источниками подразумеваются самые ближайшие сведения и свидетельства, сохранившиеся о минувших событиях, к которым относятся архивы, документы, акты, рисунки и надписи на монументах, гробницах, записки очевидцев, мемуары, дневники, письма и проч. Но здесь же признавалось, что по тем отделам истории, где не сохранилось

таких первых свидетельств прошедшей жизни, или они сохранились далеко не в полном виде, «основным источником для изучения эпохи приходится считать сочинения историков, писавших по первым, утраченным для нашего времени материалам» [7]. В то время широкую известность не только в России, но и в Европе получили фундаментальные военно-исторические труды А. И. Михайловского-Данилевского, Д. А. Милютина, Н. Ф. Дубровина, а также сложилась практика работы военно-исторических комиссий по описанию войн. Впечатляющим результатом работы военно-исторической комиссии, созданной при Главном штабе для составления истории войны с Турцией в 1877–1878 гг., стало девятитомное «Описание русско-турецкой войны 1877–1878 годов на Балканском полуострове» с атласом карт, планов и схем, а также «Особым прибавлением к Описанию...» в шести томах, мистивших дипломатические документы, материалы стратегического планирования, переписку верховного командования, донесения военных агентов. Параллельно с подготовкой фундаментального труда комиссией было составлено 97 выпусков сборника документов периода войны. В совокупности это была самая крупная документальная публикация в дореволюционной России [8, с. 39].

Данный опыт был использован в начале XX в. военно-исторической комиссией при подготовке описания Русско-японской войны. Издательские показатели работы этой комиссии были сравнимы с предшествующими военно-историческими описаниями. Обобщающий труд «Русско-японская война 1904–1905 гг.» был опубликован в 9 томах (16 книг) с приложением атласа карт (9 альбомов). Но при этом наметилась тенденция расхождения официального описания войны с негативным ее восприятием, которое сформировалось в обществе. Различные интерпретации поражения России в войне с Японией базировались не только на сведениях ведомственной комиссии, но и учитывали общественные настроения, что дало новые импульсы и материалы для изучения войны как социального явления и зарождения военной социологии [9].

Опыт войн XIX – начала XX в., особенно в сопоставлении Отечественной войны 1812 г. и Крымской войны 1853–1856 гг., войн с Турцией в 1877–1878 гг. и с Японией в 1904–1905 гг., продемонстрировал различия в общественном восприятии этих войн и указал на необходимость целенаправленного формирования в сознании людей образа вероятной войны с учетом опыта предшествующих военных столкновений. Эти различия отразились не только в военных победах и поражениях, но и в книгах тех лет. Примечательно, что в случаях позитивного общественного восприятия и поддержки войны (Отечественная война 1812 года и Русско-турецкая война 1877–1878 гг.) тон официальных описаний войны совпадал

с патриотическим содержанием авторских сочинений; в случаях же общественного неприятия войны (Крымская и Русско-японская) большинство авторских сочинений, отражавших настроения народных масс, отличались от официальных изданий. После неудачного окончания Крымской войны настроения офицерского сообщества нашли отражение в статьях «Голос из армии», «Изнанка Крымской войны», «Взгляд на состояние русских войск в минувшую войну», опубликованных в первых выпусках «Военного сборника» в 1858 г. Публикация таких статей обличительного содержания в официальном издании военного ведомства стала поводом к отставке в 1859 г. первого главного редактора Н. Г. Чернышевского и пожеланием сменившему его на редакторском посту П. К. Менькову сделать журнал более научным и умеренным. Эта же тенденция расхождения общественного мнения с официальным описанием войны прослеживается после окончания Русско-японской войны, когда брошюры «Политические права военных», «Военная реформа», «Куропаткин», изданные фирмой В. Шнеура, были запрещены к продаже в книжном магазине Главного штаба [10].

Военная история и вариативность памяти

История XX столетия с двумя мировыми войнами внесла определенные коррективы в общественное восприятие войны. Обратим внимание, что России понадобилось менее десяти лет, чтобы, проводя реформирование армии и флота, преодолеть негативное отношение общества к результатам и последствиям Русско-японской войны 1904–1905 гг. Вступление России в новый военный конфликт в 1914 г., переросший в мировую войну, было отмечено массовым патриотическим настроением российского общества. Ее завершение имело совершенно иные социальные характеристики, что в памяти последующих поколений вызвало различные интерпретации.

Социологические измерения войн начала XX в. показывают неоднородные процессы формирования военно-исторической памяти, имеющие, по меньшей мере, три характеристики, различающиеся спецификой восприятия событий прошлых войн в различных сообществах и социальных группах: для военных профессионалов, для военных историков-исследователей и для не связанных с военным делом слоев общества. О первых двух характеристиках, определяя их как линии военно-исторической работы, весьма интересно писал в свое время известный военный теоретик А. А. Свечин. Для военных профессионалов он отводил творческую работу по осмыслению важных событий войны с последующим зашифровыванием своих выводов в виде параграфов уставов, декретов, инструкций, штатов; работа

историков-исследователей, по его мнению, предполагала толкование, объяснение, расшифровывание и конкретизацию положений уставов на широком военно-историческом материале [11]. Эти две линии порождали две разновидности выпускавшихся после первой мировой войны военных книг: уставы, с примыкающими к ним изданиями инструктивно-нормативного назначения, и военно-исторические сочинения, создающие широкое поле для анализа конкретных событий и фактов прошедшей войны и дающие возможность читателям составить представление о тех событиях, участниками или очевидцами которых они не могли быть.

Сложнее анализировать третью характеристику, отражающую восприятие военно-исторических событий и формирование памяти о войне у широких масс населения, не имеющих профессионального отношения к военному делу и к военной истории. Коллективная память и историческое сознание по своей сути очень вариативны, а с учетом идеологии и военной политики государства могут интерпретироваться в разных направлениях: и для формирования оборонного сознания в интересах предотвращения войны, и в целях милитаризации сознания как фактора проведения агрессивной политики.

Два десятилетия между мировыми войнами весьма показательны с точки зрения вариативности памяти и манипуляций ею с целью формирования военной составляющей общественного сознания, отвечающей задачам военной политики государства. Издательская практика тех лет показывает, что, в то время как военные профессионалы и историки изучали опыт сражений мировой войны, массовое общественное сознание являлось объектом целенаправленного воздействия в русле подготовки к новым войнам.

Немецкие исследователи, изучая национальный менталитет своих соотечественников в 1920–1930-е гг., отмечают значение школьных учебников, по-разному трактовавших памятные события первой мировой войны. «Школьные учебники времен Веймарской Германии совершенно отличаются от учебников Третьего рейха. В то время как учебники до 1933 г., когда писали о войне, делали упор на ее ужасах, учебники после 1933 г. трактовали их в социал-дарвинистском духе – как оздоравливающий процесс селекции» [12, с. 511–512]. Содержание учебников подкреплялось историческими атласами, в которых большая часть Центральной и Восточной Европы обозначались как «области немецкой культуры» и «территории распространения германского праязыка на Восток». Эти территории культурного влияния в той или иной степени соотносились с рубежами наибольшего продвижения немецких войск в годы первой мировой войны или в более ранних войнах. Так, из русских земель к зонам немецкого

культурного влияния была отнесена территория от Ладожского озера до устья Днепра. Нетрудно представить, что такое содержание школьных учебников и атласов готовило благоприятную почву для последующего восприятия идей реваншизма и нацизма, составивших идейную предпосылку к развязыванию второй мировой войны.

В идеологии и военной политике молодого советского государства память о первой мировой войне и общественное сознание формировались на полях иных принципах, суть которых сводилась к развенчанию империалистического характера войны и необходимости постоянной готовности первого в мире социалистического государства к отражению агрессии. Книги тех лет убеждали читателей, что «между нашей страной и капиталистическим миром существуют и развиваются такие противоречия, которые рано или поздно должны вызвать снова открытую вооруженную борьбу» [13, с. 8]. Вместе с тем в советской литературе межвоенного периода опыт мировой империалистической войны затмевался героизацией событий гражданской войны. Если до середины 1930-х гг. тон в изучении классической военной истории задавали в основном бывшие офицеры русской армии, участвовавшие в мировой войне и перешедшие на службу в Красную армию, то после массовых репрессий командного состава в 1937–1938 гг. их военно-исторические труды были изъяты из военных библиотек, и основной военно-исторической темой в литературе стала двадцатилетняя история Красной армии.

Оборонное сознание и оборонная литература

Словосочетание «оборонная литература» стало употребляться в 1930-е гг. в связи с необходимостью создания и распространения обновленной литературы военной тематики, отвечающей задачам подготовки страны к вероятной войне. Главная проблема заключалась в том, чтобы переключить сознание народных масс на осознание опасности новых войн и понимание, что грядущие войны будут отличаться от гражданской войны.

Одной из мер по оживлению литературной деятельности в интересах укрепления обороны страны стало создание в июле 1930 г. Литературного объединения Красной армии и флота (ЛОКАФ), основными целями в работе которого являлись: мобилизация советских писателей на дело укрепления обороноспособности страны, воспитание молодых писательских кадров из среды красноармейцев, краснофлотцев и начсостава, повсеместная организация литкружков в частях Красной армии и на флоте, издание журналов, альманахов, сборников, посвященных вооруженной борьбе с империализмом.

Значительный вклад в выпуск оборонной литературы в 1930-е гг. внесло добровольное оборонное общество Осоавиахим (Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству). О значимости его деятельности говорит тот факт, что Центральный комитет ВКП(б) дважды за предвоенное десятилетие, в 1932 и в 1935 гг., принимал постановления, в которых конкретизировались задачи этой оборонной организации, в том числе и по пропаганде военных знаний. Для активизации издательской деятельности в 1940 г. при Центральном Совете Осоавиахима был организован редакционно-издательский отдел. Тематическая направленность выпускавшейся литературы отражала основные задачи и направления деятельности оборонного общества: военно-патриотическое воспитание, начальная военная подготовка резерва для Красной армии, обеспечение готовности населения к противовоздушной и противохимической обороне.

О неослабевающем внимании к оборонной тематике свидетельствует также проведение в июне 1934 г. и в январе 1936 г. Всесоюзных совещаний писателей по вопросам оборонной литературы, на которых, в частности, обсуждались доклады «Красная армия в советской художественной литературе», «Задачи оборонной литературы в связи с 20-летием Великой пролетарской революции и 20-й годовщиной Красной армии». Газеты и журналы регулярно публиковали статьи с мобилизующими названиями: «Писатель должен быть бойцом» (Знамя. № 4. 1937), «Товарищи писатели, держите народ в мобилизационной готовности!» (Литературная газета. 1938. 10 апреля) и др. В марте 1939 г. в краевые и областные издательства было разослано указание заведующего ОГИЗом РСФСР П. Юдина «увеличить выпуск литературы оборонной тематики..., воспитывающей население в духе советского патриотизма, преданности социалистической Родине, партии Ленина – Сталина» [14].

Несомненно, увеличение выпуска оборонной литературы в предвоенное десятилетие сыграло важную мобилизующую роль в формировании оборонной составляющей общественного сознания. Но анализируя эту роль, нельзя не замечать характерный для того времени лозунговый подход в проведении массовых кампаний по военизации населения. Для книг и другой печатной продукции предвоенных лет оставалась типичной тема героических побед Красной армии в боях с японцами на Халхин-Голе и в советско-финской войне 1939–1940 гг. Образ конкретного врага в предстоящей войне в оборонной литературе предвоенных лет отсутствовал.

Роль книги в перестройке сознания в ходе войны

Вероломное нападение Германии на Советский Союз потребовало смены идеологических

установок от сотрудничества с Германией к формированию отношения к ней как к стране-агрессору, нарушившему договор о ненападении. В числе первых мер был выпуск военных разговорников, печатание массовыми тиражами брошюр с текстами выступлений по радио В. М. Молотова 22 июня и И. В. Сталина 3 июля 1941 г., пересмотр издательских планов с исключением тех работ, которые не имели непосредственного отношения к войне.

Следующий массив литературы составили брошюры, формирующие образ врага, с характерными названиями «Людоеды» И. Эренбурга, «Немцы – дикари» Д. Заславского, «Наши враги» Е. Григорьева и др. Многие издательства выпустили брошюры о том, когда и как русские войска били немецких захватчиков.

Перестройка издательств на военный лад, апробация новых форм и тематического содержания книг, воспитывающих ненависть к врагу, заняли несколько месяцев. «Литературная газета» 1 октября 1941 г. писала: «Справляются ли издательства с требованиями военного времени? Пока еще не полностью. Они начали работать с известным опозданием. <...> По справедливости, следует отметить, наибольшую оперативность в первые дни войны показал Госполитиздат. <...> Издательство «Советский писатель» хоть и с опозданием, но целиком перешло на выпуск оборонной литературы...» [15]. Своеобразным хронологическим рубежом, свидетельствующим о перестройке идеологических установок и массового сознания, следует, на наш взгляд, считать конец 1941 г., когда вышел приказ начальника Главного политуправления РККА от 10 декабря 1941 г. о том, чтобы впредь вместо лозунга «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», на всех печатных изданиях, выпускавшихся для наших войск и населения оккупированных территорий, печатать лозунг «Смерть немецким оккупантам!» [16]. Этот лозунг наряду с призывом «Все для фронта! Все для победы!» объединил советских людей самых различных взглядов и привычек, военных и сугубо штатских, сделав каждого причастным к войне.

Если в первые месяцы войны основной упор в идеологическом воздействии делался на перестройку сознания масс в соответствии с характером Отечественной войны, то в последующие – 1942–1943 – годы, когда на смену предвоенным установкам о быстром разгроме врага на его территории пришло осознание длительности войны, повседневной задачей стало поддержание высокого морального духа на фронте и в тылу. В этих условиях особое значение приобретали оперативность воздействия печатным словом и тематический подбор публикуемых материалов. Тягость утрат легче переживалась с сообщениями о победах на фронте. Начиная

с первых военных успехов под Москвой каждое издательство в форме брошюр, плакатов стремилось донести до своих читателей вести о победах на фронтах. Массовыми сериями выпускались брошюры о героях войны с описанием их подвигов. Тема трудового героизма и помощи фронту стала одной из основных в работе областных издательств. Их брошюры были своеобразной связующей нитью жителей тыла с фронтом. Каждое издательство внимательно следило за боевыми делами своих земляков на фронте и оперативно информировало о них население, мобилизуя на помощь сражающейся армии.

Формирование ненависти к врагу и желания мести постоянно поддерживалось выпуском печатной продукции, демонстрирующей зверства гитлеровцев на оккупированных территориях. Брошюры с характерными названиями – «Кровью сердца», «Гитлеровские звери», «Немецкая кааторга», «Лагери смерти», «В фашистском аду» – звали к скорейшему освобождению и отмщению.

После достижения коренного перелома в войне, на рубеже 1943–1944 гг., приоритетными стали формы идеологической работы, ориентированные на завершение войны. Новой мобилизующей темой стала неотвратимость возмездия врагу. Освобождение территорий сопровождалось выпуском брошюр о зверствах немецко-фашистских захватчиков в тех областях Советского Союза, где хозяйничали оккупанты. Издательства старались учитывать специфику населения освобождаемых территорий. Примечателен пример, как в марте 1944 г. за подписью начальника Управления Воениздата П. Ф. Копылова были отправлены письма известным украинским писателям А. Корнейчуку и М. Бажану следующего содержания: «Фронттовая серия “Библиотечки красноармейца” испытывает сейчас большой недостаток в художественных произведениях, отражающих героические дни освобождения Украины. <...> В эти дни голос украинских писателей должен звучать на фронте особенно громко» [17].

Завершающий период войны сопровождался сложным процессом последовательной демилитаризации сознания. Сохранилось немало свидетельств, что, после того как боевые действия были перенесены на территорию сопредельных государств, у фронтовиков возрос интерес к русской литературе. В частности, в статье капитана Осипова «Книга на фронте», опубликованной в газете «Красная звезда» 28 ноября 1944 г., отмечается: «Сейчас, когда воины наши сражаются на чужой земле, особенно велика их любовь к родному русскому слову, к книге» [18]. На такой запрос издательства откликнулись выпуском новых брошюр в сериях «Великие русские люди», «Гениальные люди великой русской нации» и др. Тем самым удовлетворялся не только читательский спрос командиров и красноармейцев, с походными

фронтными библиотечками русскоязычная книга соответствующего содержания приходила на территории освобождаемых стран Европы.

На всех этапах войны идеологическое воздействие на массовое сознание, в том числе и средствами книжного дела, контролировалось и корректировалось органами политического руководства – как на фронте, так и в тылу. Наряду с директивными указаниями о приоритетных направлениях идеологической работы выпускалось множество методических пособий и сборников материалов: «В помощь агитатору», «В помощь политруку», «Агитатор на фронте», «Блокнот агитатора», в которых предлагались материалы для бесед, коллективных чтений, а также рекомендации по проведению агитационно-пропагандистских мероприятий.

Заключение

Опыт использования книги как способ сохранения исторической памяти о прошедших войнах складывался веками. К концу XX в. последовательно апробировалась тематика, отвечающая основным подходам и методам, свойственным современным взглядам на процессы формирования общественного сознания: разъяснение и преемственность, убеждение и внушение, опора на лучший опыт и преломление его в массовую практическую деятельность, популяризация примеров героизма и создание эмоционального подкрепления. Наиболее масштабно эти практики использовались в годы Великой Отечественной войны.

Память вариативна, и как одна из составляющих общественного сознания подвержена манипули-

рованию, особенно при смене поколений. Память о войне у людей, участвовавших в ней и переживших ее тяготы, устойчива и непоколебима. У современников старшего возраста, знающих о войне из рассказов и воспоминаний участников, память, как правило, менее устойчива, но достоверна. У нынешней молодежи память о войне складывается фрагментарно под воздействием многочисленных переоценок и интерпретаций военных событий, новых фильмов, пацифистских идей, что создает предпосылки для всевозможных манипуляций. Массовые мероприятия, нацеленные на удержание памяти о войне, как, например, шествие Бессмертного полка, открытие новых мемориальных мест, приурочены к годовщинам и юбилеям победы. Они, несомненно, приобщают молодых людей к общенародной памяти, но, не получая развития, остаются в сознании очередным клипом, что свойственно для поколения начала XXI столетия.

Искусственное преувеличение роли книги в сохранении памяти не даст желаемого результата, но нельзя и принижать ее роль в комплексе мер, нацеленных на формирование военно-исторической составляющей общественного сознания. Необходимо осознание того, что книги военных лет, а также послевоенные произведения, написанные участниками войны, являются хранителями памяти, не менее значимыми, чем архивные документы, работа с которыми требует определенного исследовательского опыта, или музейные экспонаты, рассчитанные на зрительное восприятие. В условиях стремительной цифровизации и расширения средств и способов массовой информации книгу следует разумно встраивать в систему мер информационного воздействия.

Список источников

1. Лютов С. Н. Книга и историческая память // Библиосфера. 2017. № 4. С. 8–13.
2. Гуманитарные науки и проблемы сохранения историко-культурного наследия : Постановление Президиума РАН от 28.05.2019 № 92 // Постановление Президиума РАН. URL: <http://www.ras.ru/presidium/documents/directions.aspx?ID=a22701ca-8845-4d00-bc85-4fa9f3514537&print=1> (дата обращения: 18.11.2019).
3. Беловицкая А. А. Общее книговедение. Москва : Книга, 1987. 256 с.
4. Макаров С. О. Рассуждения по вопросам морской тактики. Санкт-Петербург : Типо-лит. Шредера, 1904. 299 с.
5. Кто с мечом: три произведения древней русской литературы XIII–XV вв. / сост. Д. А. Шмаринов. Москва : Молодая гвардия, 1973. 128 с.
6. Шафилов П. П. Рассуждение какие законные причины Его Царское Величество Петр Первый Царь

и Повелитель Всероссийский и протчая, и протчая, и протчая: к начатию войны против Короля Карола 12, Шведского 1700 году имел... Санкт-Петербург, лета Господня 1716, а напечатано 1717. 128 с.

7. О военной истории // Военный сборник. 1875. № 1. С. 5–38.

8. Русская военная мысль: конец XIX – начало XX века / под ред. П. А. Жилина. Москва : Наука, 1982. 256 с.

9. Потемкин В. Военная социология или социология войны // Телескоп. 2016. № 2. С. 19–26.

10. О книжном магазине Главного штаба // Книжный вестник. 1907. № 12. Стб. 349.

11. Свечин А. А. Изучение военной истории // Война и революция. 1927. № 4. С. 49–66.

12. Бендик Р. Немецкий менталитет и происхождение двух мировых войн // Первая мировая война: пролог XX века. Москва, 1998. С. 504–515.

13. Жигур Я. М. Будущая война и задачи обороны СССР. Москва ; Ленинград : Моск. рабочий, 1928. 88 с.

14. Указание заведующего ОГИЗом РСФСР П. Юдина // Гос. архив Хабаровского края. Ф. 486. Оп. 2. Д. 17. Л. 228.

15. Боевые задачи издательств // Литературная газета. 1941. 1 окт.

16. Приказ начальника Главного политуправле-ния РККА от 10 декабря 1941 г. // Центральный архив Министерства обороны. Ф. 32. Оп. 920265. Д. 4. Л. 103.

17. Письма начальника Управления Воениздата П. Ф. Копылова известным украинским писателям А. Корнейчуку и М. Бажану (март 1944 г.) // Центральный архив Министерства обороны. Ф. 106. Оп. 12556. Д. 380. Л. 87–88.

18. Книга на фронте // Красная звезда. 1944. 28 нояб.

References

1. Lyutov S. N. Book and historical memory. *Bibliosfera*, 2017, 4: 8–13. (In Russ.).

2. Humanities and problems of preserving historical and cultural heritage: Resolution of the Presidium of the Russian Academy of Sciences dated 28.05.2019 No. 92. *Postanovleniya Prezidiuma RAN*. URL: <http://www.ras.ru/presidium/documents/directions.aspx?ID=a22701ca-8845-4d00-bc85-4fa9f3514537&print=1> (accessed 18.11.2019). (In Russ.).

3. Belovitskaya A. A. *Obchshee knigovedenie* [General bibliography]. Moscow, Kniga, 1987. 256 p. (In Russ.).

4. Makarov S. O. *Rassuzhdeniya po voprosam morskoi taktiki* [Reasoning on naval tactics]. Saint Petersburg, Tipolit. Shryodera, 1904. 299 p. (In Russ.).

5. Shmarinov D. A. (comp.) *Kto s mehom: tri proizvedeniya drevnerusskoi literatury XIII–XV vv.* [Someone with a sword: three works of ancient Russian literature of the XIII–XV centuries]. Moscow, Molodaya gvardiya, 1973. 128 p. (In Russ.).

6. Shafirov P. P. *Rassuzhdenie kakie zakonnye prichiny Ego Tsarskoe Velichestvo Petr Pervyi Tsar' i Povelitel' Vserossiski i protchaya, i protchaya, i protchaya: k nachatiyu voiny protiv*

Korolya Karola 12, Shvedskogo 1700 godu imel... [Reasoning what are the legitimate reasons for His Imperial Majesty Peter the First, Tsar and Sovereign of All Russia, and, others and others, and others to begin the war against King Carol 12, Swedish in 1700 ...]. Saint Petersburg, the years of the Lord 1716, a. publ. in 1717. 128 p. (In Russ.).

7. About the military history. *Voennyi sornik*, 1875, 1: 5–38. (In Russ.).

8. Zhilin P. A. (ed.) *Russkaya voennaya mysl': konets XIX – nachalo XX veka* [Russian military thought: the late XIX - early XX century]. Moscow, Nauka, 1982. 256 p. (In Russ.).

9. Potemkin V. Military sociology, or sociology of war. *Teleskop*, 2016, 2: 19–26. (In Russ.).

10. About the bookstore of the General Headquarters. *Knizhnyi vestnik*, 1907, 12: 349. (In Russ.).

11. Svechin A. A. Studying the military history. *Voina i revolyutsiya*, 1927, 4: 49–66. (In Russ.).

12. Bendik R. German mentality and the origin of two world wars. *Pervaya mirovaya voina: prolog XX veka*. Moscow, 1998: 504–515. (In Russ.).

13. Zhigur Ya. M. *Budushchaya voina i zadachi oborony SSSR* [Future war and the tasks of the USSR defense]. Moscow, Leningrad, Moscow worker, 1928. 88 p. (In Russ.).

14. An order by P. Yudin, the head of RSFSR OGIZ. *Gosudarstvennyi arkhiv Khabarovskogo kraja*. F. 486. Op. 2.D.17. L. 228. (In Russ.).

15. Combat missions of publishing houses. *Literaturnaya gazeta*, 1941, Oct. 1. (In Russ.).

16. An order of the Chief of the Main Political Directorate of the Red Army dated Dec. 10, 194. *Tsentral'nyi arkhiv Ministerstva Oborony*. F. 32. Op. 920265. D. 4. L. 103. (In Russ.).

17. Letters by P. F. Kopylov, the head of the Military Publishing Office, to A. Korneichuk and M. Bazhan, famous Ukrainian writers (March 1944). *Tsentral'nyi arkhiv Ministerstva Oborony*. F. 106. Op. 12556. D. 380. L. 87–88. (In Russ.).

18. Book at the front. *Krasnaya zvezda*, 1944, Nov. 28. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 05.08.2020
Получена после доработки 16.08.2020
Принята для публикации 28.08.2020

Received 05.08.2020
Revised 16.08.2020
Accepted 26.08.2020